

## искусство

## БЕСЕДЫ В МАСТЕРСКОЙ

Есть имена в искусстве, которые постоянно привлекают внимание. Таков народный художник СССР Илья Сергеевич Глазунов, с которым беседует наш корреспондент.

— С чего начался Глазунов как художник?

— Сколько я себя помню, всегда рисовал. Рисовал еще до войны, когда ходил в кружок Дома пионеров в Ленинграде. Потом началась война. Во время блокады у меня на глазах от голода умерли отец и мать и почти все мои близкие. Я был вывезен в новгородскую деревню Гребло. После возвращения в Ленинград поступил в среднюю художественную школу при Академии художеств СССР, а затем окончил институт имени Репина. Атмосфера великого города Петербурга — Ленинграда, которая окружала меня с детства, помогала мне и моим сверстникам осознавать значение великой культуры прошлого, традиции классического наследия многих веков.

— Кто были ваши учителя?

— По-моему, главными учителями каждого художника являются жизнь, которую он художественными средствами хочет выразить на полотне, а также великие мастера прошлого, на произведениях которых он учится, и те, кто обучает его профессиональному мастерству. Я очень люблю русскую школу живописи, начиная с древнерусских мастеров. Мне очень близки художники XVIII века Лезвицкий, Боровиковский, позже великие Александр Иванов, Рокотов, Репин, Суриков, Васнецов, Нестеров, многие художники круга «Мир искусства».

Мне очень повезло — я родился и вырос в городе, где есть Эрмитаж и Русский музей. Вся мировая культура представляла для нас во всем величии высокого реализма, великих свершений духа.

— Ваше творчество во многом посвящено истории нашей Родины. Что заставило вас взглянуть в глубину веков?

— С детства я помню зеленые берега Ладоги, таинственного Волхова, овеянного былинным духом, места, где древние курганы еще до сих пор хранят тайны наших далеких предков. Мой отец, Сергей Федорович Глазунов, был историком. Родители заботились, чтобы я читал книги по отечественной истории, развивали мой интерес к великому прошлому нашей Родины. Это те детские впечатления, которые навсегда останутся в памяти.

И где бы я ни был во время своих поездок, в какой бы стране или городе, я обращаю внимание на древнюю красоту, на то, что связано с национальными традициями народа, с его историей. И я не одинок. Трудно найти туристов, которые бы стремились осматривать новостройки Ленинграда. Все хотят увидеть древний город, его старину, прикоснуться к древнему Парижу, Риму, Лондону. Стремится посетить Загорск, Новгород, Владимир, Суздаль, Бухару, Самарканд... История — это великий арсенал вдохновения для художника. Ведь без вчерашнего не может быть дня завтрашнего. Великие русские художники Васнецов, Суриков, Нестеров, Кустодиев, Рерих, погруженные в тайну и красоту прошлого, создавали и культуру будущего. И сегодняшний день тоже со временем станет историей... Вот почему одна из важных задач, стоящих перед деятелями культуры, — беречь и сохранять традиции. Дерево велико и сильно, когда оно своими корнями глубоко уходит в зем-

лю. Так и искусство тем величественнее, чем основательнее оно питается культурой прошлого. Еще великий Гёте сказал: «Современное искусство есть по-новому пережитая традиция». Образно говоря, традиция — это компас в руках художника. Если он теряет его или лишен этого компаса, то скатывается в мир формальных исканий, повторения приемов и моды.

— Если проанализировать то, что уже сделано, написано вами, все ли, по вашему мнению, удалось и получилось?

— Трудно самому художнику оценивать свои работы. Как говорил Рембрандт, картина закончена, когда художник сказал

дичия портретной живописи. Это и понятно — человек есть мера всего. Все люди имеют свою индивидуальность, и высказать свою точку зрения о человеке, почувствовать музыку его души — в этом и есть высшая и радостная задача живописца.

Я выступаю в защиту великих классических традиций мирового изобразительного искусства. Мне чужды формалистические эксперименты модернистов, рисующих глаз на животе, а пятаку около уха. Я считаю, что человек, как он создан, является «венцом творения». Любовь к реальному человеку — это и есть то, чему нас учит великая классика. Что может быть интереснее для художника, чем изображение современника, живущего в нашем тревожном XX веке.

— Вы побывали в странах,

Илья Глазунов:

# С ЛЮБОВЬЮ К ОТЕЧЕСТВУ

все, что хотел. Законченность картины, естественно, не определяется дотошной выписанностью деталей, она не должна напоминать фотографию или цветной слайд.

На мой взгляд, в нашем искусстве сейчас остро стоит проблема создания картины. В печати, в выступлениях мы много говорим о том, что картина умирает. Мы видим часто на наших выставках групповые композиции из уныло застывших фигур, мелкотемье содержания, всевозможные фантазии на космические темы, но картину как мышление в образах, которая отражала бы время, мы почти не видим.

Все, что я делал, создавал всегда с одной целью: выразить то, что я чувствую, отразить те впечатления от жизни, которые меня волнуют.

— В современном искусстве немало различных новомодных течений...

— Мне чужды абстрактное формотворчество и бездушный натурализм. «Измы», с моей точки зрения, зашли в полный тупик. Об этом говорят пустующие залы многих музеев современного искусства. Общеизвестны многие из приемов так называемых модернистов, доходящие до полного абсурда, заменяющие художественное творчество бесплодным трюкачеством, навешивающим скуку и отвращение.

Я уверен, что будущее принадлежит возрождению великих традиций классического искусства, несущего идеи духовного обновления человечества, искусству, связанному с реальной жизнью, отражающему его гармонию и красоту.

Сам я много работаю как портретист. Искусство портрета, на мой взгляд, самый трудный вид художественного творчества. Гасли цивилизации, исчезали народы, а мы имеем возможность представить людей тех ушедших эпох по портретам. Это греческие, римские портреты, портреты эпохи Возрождения и прекрасного XVIII века. Думаю, что высшая форма гуманизма для художника — изображение человека. У нас в России существует великая тра-

которые являлись или являются «горячими точками» планеты, недавно вернулись из Никарагуа. Как вы работаете во время этих поездок?

— Да, мне удалось побывать во Вьетнаме, в Чили, не так давно — в Никарагуа. Перед каждой поездкой я стараюсь не спрашивать людей об этих странах, не читать специальных изданий. Потому что художник должен приехать и иметь свой непосредственный взгляд. Когда я приехал в Никарагуа, то был поражен атмосферой, царящей в стране. Для меня было очень волнующе прикоснуться к жизни другого континента, другому народу, который считает себя потомком доколумбовых индейцев и ведет борьбу за победу идей Сандинистского фронта. Мне близки были те проблемы, которые волнуют художников, деятелей культуры этой страны. Я видел солдат и рабочих, студентов и изборожденные морщинами лица крестьян, я видел художников и поэтов. Все свои впечатления хотел выразить в своих работах. Работать было интересно, начиная работать рано утром и не замечал наступления сумерек.

— Каковы ваши ближайшие планы?

— Буду продолжать работу над четырьмя циклами: история России, современность (человек в городе), иллюстрации литературных произведений русской классики, портреты современников. К 40-летию Победы над гитлеровской Германией пишу картину «Дорога войны». Одновременно работаю над большим полотном «Прощание», посвященным теме жизни и смерти. Этим двум большим картинам отдаю практически все свое время. Это сложные, многофигурные композиции, где мне хотелось бы передать свое понимание назначения картины, продумать уроки великих мастеров — наших вечных учителей, которые видели этим искусством в завидном совершенстве. Моя задача — выразить суровую правду времени военных лет.

Беседу вел  
И. МИХАЙЛОВ.